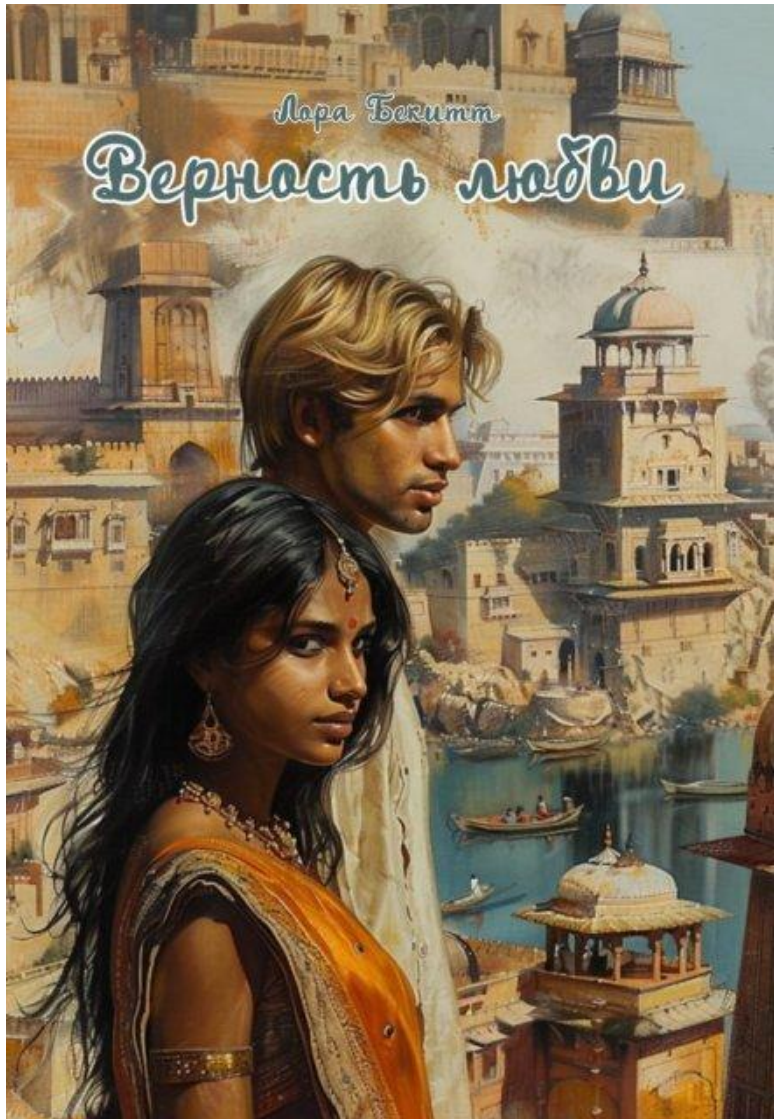

Лара Бекитт

Верность любви

Лора Бекитт

Верность любви

<https://litres.ru/74210902>

Аннотация

Французский дворянин Анри де Лаваль осужден на каторгу за преступление, которого он не совершал. Его предала возлюбленная, он лишился всех прав. Судьба забрасывает молодого человека в далекую страну, где он обретает надежду на будущее благодаря встрече с индийской девушкой Тулси. Европейца и индианку, людей разных культур, воспитания и веры, сближает любовь — единственное, что способно творить чудеса, преодолевая предрассудки, расстояние и время.

Содержание

Вступление	4
Глава первая	5
Глава вторая	17
Глава третья	22
Глава четвертая	31
Глава пятая	43
Глава шестая	54
Глава седьмая	59
Глава восьмая	68
Глава девятая	73
Глава десятая	77
Глава одиннадцатая	84
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Вступление

Богиня Кали — в индуистской мифологии одна из грозных ипостасей великой богини-матери, олицетворение разрушения и смерти.

Последователи Кали считали ее способной вызвать в жизни человека глубокие перемены. Она воплощает в себе творение и уничтожение, вызывает любовь и ужас.

Тулси — священное дерево, почитаемое индусами. Согласно поверью, так звали женщину, которая веками молилась в надежде выйти замуж за бога-хранителя Вишну. Ревнивая богиня Лакшми превратила ее в дерево. С тех пор Тулси является воплощением женской верности и самопожертвования.

Начало первой главы может показаться несколько фэнтезийным, но просто героине снится сон.

Глава первая

1753 год, деревня Бала, Индия

Тулси проснулась, будто от толчка, и сразу открыла глаза. Бамбуковая кровать с решеткой из веревок и травы и тонким одеялом, на которой спали ее двоюродные сестры, была пуста. Тетка Рохини тоже исчезла.

Судя по всему, до рассвета еще далеко. Куда они могли пойти в такое время?

Тулси встала, сделала несколько шагов, выглянула в соседнюю комнату и увидела... Девушка хотела закричать, однако не смогла произнести ни звука. Попыталась убежать, но ноги словно приросли к полу. Тулси слышала много страшных рассказов о Кали и все же не подозревала, что она столь ужасна. Ее глаза были налиты кровью, рот хищно разинут: девушка легко могла бы пересчитать ее острые клыки, как и пустые глазницы черепов на ожерелье, украшавшем черную грудь богини.

Наверное, тетка Рохини проснулась первой, успела схватить детей и выскочить из дома. Тулси прижала руки к груди. Что нужно богине? Зачем она явилась в их бедную хижину?

Богиня еще шире раскрыла рот и свесила кроваво-красный язык. Четыре руки медленно шевелились, словно огромные черные змеи; две из них протянулись к Тулси. Девуш-

ка в страхе упала на колени и... на сей раз по-настоящему проснулась.

Тулси долго не могла унять дрожь. Она никогда не видела таких ужасных снов! Кто знает, что это могло означать!

Убогая обстановка комнаты тонула в неподвижном сером воздухе. Рохини и девочки спали на своих кроватях. Еще рано, но ей все равно теперь не заснуть. Стараясь не шуметь, Тулси встала, умылась и причесалась, потом взяла кувшин и вышла на улицу. Даже лучше, если она пойдет за водой раньше, чем тетка проснется.

Понемногу Тулси успокоилась. Все равно ей не разгадать, что означал приход богини; главное, это случилось не наяву!

Девушка шла по деревне, одной рукой придерживая кувшин, другой — край ниспадавшего с головы покрывала. Тонкая ткань сари изящно колыбалась вокруг ее стройных ног.

На ясном, безоблачном небе играли нежные краски зари; к тому времени как Тулси дошла до колодца, небеса превратились в прозрачный сияющий купол чистейшей лазури. Вокруг раздавалось оглушительное пение птиц, зелень окружающих деревню джунглей резала глаза своей пронзительной яркостью.

Деревня, в которой жила Тулси, была сравнительно большой; в ней стояло много приземистых одноэтажных домов с земляным полом и тростниковой крышей. Жилища опоясывал частокол для защиты от диких зверей, в центре была окруженная деревьями площадь с колодцем — место, где

люди собирались, чтобы решить важные дела, и отмечали многочисленные праздники.

Подойдя к колодцу, Тулси увидела Шармилу. Та сидела на корточках в окружении подружек, и они что-то оживленно обсуждали. Заметив Тулси, все разом повернулись, а Шармила насмешливо скривила губы.

— Посмотрите, кто пришел! Не прибавилось ли у тебя за эту ночь седых волос?

Разумеется, Шармила не могла знать про ее сон, и у Тулси не было и не могло быть ни одного седого волоса, потому что недавно ей исполнилось двадцать лет. Речь шла о другом. Тулси давно достигла брачного возраста, между тем за нее еще ни разу не сватались, и ей даже не шили свадебного покрывала.[1]

Тулси молча поставила кувшин на растрескавшуюся от зноя, твердую как железо землю. Она привыкла и к насмешкам у колодца, и к косым взглядам односельчан, и к разговорам тетки.

Рохини часто кричала мужу:

— Ты только посмотри на нее, Чарака! Что толку от этой несчастной? Все равно на ней никто не женится!

Дело было не во внешности Тулси: от матери она унаследовала светлый оттенок кожи, что считалось огромным достоинством, большие лучистые глаза и теплую, радостную улыбку. И неважно, что ее родные были бедны: любому бедняку, жизнь которого состоит лишь из работы и сна, нуж-

ны жена и дети, и никто не отдаст за него богатую девушку, ибо состоятельные и высокие не должны знаться с нищими и низкими. Причина заключалась в другом.

Кем человек родился, тем он и должен быть по жизни. Змея рождается змеей и живет, как следует жить змее. А если тигру суждено появиться на свет тигром, то он существует так, как только и может существовать тигр. Люди тоже не должны поступать иначе, а если пытаются — то это нарушение не только человеческих, но и высших, священных законов. Единственная возможность изменить свою судьбу — это смерть и перерождение.

Семья матери Тулси принадлежала к касте земледельцев, а ее отец был брахманом, представителем высшей касты, по преданию созданной из головы великого бога Брахмы. Отец, посмея жениться на прекрасной Арундхати, нарушил чистоту сословия — и принес в жертву все, что ему внушали с раннего детства. Ходили слухи, будто Аджит сказал родителям, которые воспротивились браку: «Жизнь не только учит человека быть послушным своей судьбе, но и толкает его на поиски свободы».

Известно, что отступление от долга и желание противиться предначертанному порождает плохую карму. Последствия не заставили ждать. Молодые люди прожили вместе несколько месяцев, отвергаемые всеми и не понимаемые никем, а потом Арундхати умерла во время родов. Аджит исчез, как в воду канул. Поговаривали, что от горя он повре-

дился умом и отправился странствовать, и никто не знал, жив ли Аджит или его прах давно развеян над водами священного Ганга.

Уважаемые люди деревни, посоветовавшись, решили, что маленькую Тулси должна воспитать ее тетка Рохини, ближайшая родственница умершей Арундхати, родители которой один за другим сошли в могилу следом за дочерью. О том, чтобы девочка росла в семье родных Аджита, не могло быть и речи. Вечно насмехавшаяся над Тулси Шармила была именно из той семьи. Все эти годы они ненавидели Тулси за ее красоту, живость и приветливый нрав, а больше всего — за то, что она существует на свете.

От тетки девушка тоже видела мало добра. Ее муж жалел племянницу, но Рохини думала только о том, что у нее растут две родные дочери, что Арундхати опозорила семью и что Тулси не суждено выйти замуж.

Девушка спокойно дождалась своей очереди и наполнила кувшин. Легким движением набросила на голову край сари и, ни на кого не глядя, пошла по улице.

Несмотря ни на что, Тулси любила родную деревню. Солнце медленно поднималось по небу, с полей доносился оглушительный треск насекомых, в густой листве деревьев шумно возились птицы. Ниспадавшие с крыш длинные вьющиеся растения придавали невзрачным домикам удивительно живописный вид.

Тулси шла по улице, как вдруг почувствовала сильный

толчок и едва не упала. В следующую секунду кувшин разлетелся на десятки осколков, а ее с головы до ног окатило холодной водой. Девушка испуганно вскрикнула. Она увидела Хариша, который бросил в кувшин камень, а теперь стоял, самодовольно и в то же время чуть виновато улыбаясь.

У Тулси перехватило дыхание. Рохини шкуру с нее спустит! Недаром ей снилась богиня Кали!

Между тем Хариш подошел ближе. Как и большинство деревенских юношей, он относился к Тулси свысока. Его семья считалась зажиточной; совсем недавно сестре Хариша сшили на свадьбу сари из прозрачного бенаресского шелка, усыпанного серебряными точками, точно небо — звездами, и привезли из Калькутты чудесные золотые украшения.

У Тулси никогда не было ни украшений, ни хорошей одежды. Разве что простенькие лаковые браслеты с вдавленными в них бисеринками, да дешевое колечко из желтой меди. Девушка почувствовала, что у нее дрожат губы. Мокрое сари облепило тело, с волос капала вода.

— Я не хотел, так получилось, — с неловкой усмешкой произнес Хариш. — Я давно хотел с тобой поговорить.

Тулси вскинула на него большие темные глаза, в которых затаился гнев.

— О чем? — натянуто спросила она.

Он улыбнулся — на сей раз, по-другому, приветливо и открыто.

— О тебе.

— Мне нужно домой.

— Я недолго. Здесь говорить нельзя — нас могут увидеть. Давай выйдем за ворота. А потом, обещаю, я принесу тебе новый кувшин.

В окружавшей деревню ограде было четверо ворот, которые запирались при помощи больших деревянных решеток. Почти сразу за ними начинались джунгли.

Тулси боялась возвращаться домой без кувшина: тетка начнет проклинать ее на чем свет стоит, может и ударить. Хариш истолковал ее молчание как согласие и направился к воротам. Девушка нехотя пошла за ним.

Они вступили в царство джунглей, под сень громадных сводов зелени, испещренных пятнами солнечного света там, где он мог проникнуть сквозь перистые метелки, ползучие стебли и причудливо изогнутые стволы. Юноша остановился и, повернувшись к Тулси, сказал:

— Зря Рохини говорит про тебя гадости. Как-никак ты дочь брахмана, об этом не стоит забывать. Ты всегда казалась мне необычной. Другие делают то, что надо и верят, что так надо. А вот ты — нет. — Он усмехнулся и прибавил: — Я видел, с каким интересом ты смотрела на иностранных солдат!

Тулси вздрогнула. Чуть больше месяца назад в деревню пришли чужеземные солдаты, все одинаково одетые, говорящие на странном языке, с непонятным оружием в руках. Как и другие девушки, Тулси спряталась в доме. Однако солда-

ты вели себя дружелюбно, они не собирались грабить деревню, убивать мужчин и насиловать женщин. Наполовину жёстами, наполовину на ломаном языке они дали понять, чего хотят. Солдаты предлагали мужчинам поступить на службу, обещали обучить воинскому искусству и хорошо платить. Староста деревни, жрец и другие влиятельные люди приняли их с должным уважением и даже помогали убеждать односельчан. В конце концов почти все жители Балы высыпали на площадь и с любопытством разглядывали иностранцев.

Поступить на службу согласилось всего трое мужчин; среди них — муж Рохини, Чарака. Сколько Рохини ни вопила и, валяясь на земле, ни цеплялась за его дхоти, Чарака остался непреклонен и не изменил своего решения. Тулси его понимала. Несмотря на то что дядя родился земледельцем и не мог заниматься ничем другим, он не любил ковыряться в земле. К тому же Чарака был вынужден терпеть скверный характер Рохини. Он сказал, что заработает денег на приданое дочерям, подмигнул Тулси и ушел вместе с солдатами. С тех пор Рохини не знала, ждать ли ей мужа или считать себя вдовой. Женщина была готова ко всему, кроме последнего. Даже если вдова не взойдет на погребальный костер мужа, она обречена носить траур, срок которого — вся оставшаяся жизнь. Ее будет окружать множество запретов, и она не найдет в своем существовании ничего, кроме горя.

Когда солдаты вошли в их двор, Тулси смотрела на них с величайшим любопытством и... надеждой. Мудрые люди

говорят: в мире нет ничего, что не существовало бы прежде, но в этот миг девушке чудилось, будто она видит перед собою нечто такое, чего еще не знал белый свет.

Раньше Тулси понятия не имела, что на свете существуют люди, столь сильно отличавшиеся от тех, которые окружали ее с детства. Среди солдат было немало мужчин со светлыми глазами и волосами, иного телосложения и роста, чем те, кого Тулси знала с ранних лет.

Девушка смело ответила Харишу:

— Да, потому что они не такие как мы! Они пришли и разговаривали со всеми одинаково, потому что, мне кажется, они не знают, что такое касты. Они судят о людях по-другому: берут в воины того, кто способен воевать, и оставляют пахать землю того, кто не мыслит для себя иной доли!

Это было неслыханно! Хариш посмотрел на нее как на сумасшедшую, потом убежденно произнес:

— Касты существуют везде. Иначе как человек может узнать, как ему жить, чем заниматься, как одеваться, молиться, с кем дружить и на ком жениться? Впрочем... — Он прищурил глаза. — Я понимаю, почему ты так рассуждаешь и, честно говоря, мне это подходит.

С этими словами молодой человек приблизился к Тулси и обнял ее за плечи.

— В самом деле, к чему нам разрешения и запреты! Стань моей здесь и сейчас, и я принесу тебе не только новый кувшин, но и все, что пожелаешь, все, чего у тебя сроду не было

и не будет!

Хариш схватил конец ее сари, резко дернул, потом потянул. Мгновение — и девушка осталась в нижней юбке и короткой, туго зашнурованной на спине кофточке. Молодой человек повалил Тулси на спину, а сам набросился сверху. Он больно стиснул пальцами ее грудь, разорвал ткань и жадно припал губами к нежной трепещущей плоти. Его жесткое колено грубо уперлось между ног девушки. Тулси беспомощно трепыхалась, словно рыба в сетях.

Собрав все усилия, она сделала резкое движение и сбросила с себя Хариша. Тот он дико вскрикнул, его тело внезапно ослабло, и он повалился навзничь, судорожно хватая ртом воздух.

Тулси вскочила на ноги. Она успела заметить уползавшую в траву тонкую серебристую ленту. Говорят, после укуса этой змеи тело человека пронзает огненная боль и нет средств, которые бы помогли несчастному избежать смерти!

Лицо Хариша посинело. Девушка помчалась в деревню, думая только о том, как спасти парня, который едва не навлек на нее несмываемый позор. Она прибежала на площадь в разорванном сари, с растрепанными волосами и принялась звать на помощь. Отовсюду бежали люди и взволнованно спрашивали, что случилось.

Несколько мужчин отправились в джунгли. Они принесли Хариша на самодельных носилках, бледного и бездыханного. Рыдающая мать юноши при всей деревне дала Тулси

пощечину. Никто не хотел слушать ее объяснений, все считали ее виновной в смерти Хариша. Староста учинил ей допрос, после чего по деревне поползли слухи. Многие видели разорванное сари девушки и теперь стали болтать, будто Тулси лишилась невинности. Кто-то вспомнил, что в свое время Арундхати и Аджита хотели выгнать из деревни; жители Балы не сделали этого только потому, что Аджит был из уважаемой и богатой семьи. Теперь эти люди предлагали побить камнями его дочь.

Тетка таскала племянницу за волосы и била ногами. Крики Рохини разносились по всей деревне. Тулси молчала. Она не могла понять одного: любого мужчину, посмеявшего обесчестить девушку, односельчане немедля повесили бы на дереве, так почему они осуждают ее и защищают Хариша? Неужели она в самом деле проклята до конца своих дней?!

Когда на следующее утро Рохини вытолкала Тулси на улицу и велела лепить кизяки, девушка покорно взялась за работу. Она впала в оцепенение и двигалась, словно во сне. Тулси привычно смешивала коровий навоз, солому и воду и смотрела на мир остановившимися глазами. Глубоко в душе застыл отчаянный, безмолвный, обращенный неведомо к кому вопль: «Прошу тебя, приди! Умоляю, спаси! Забери меня отсюда!»

[1] Свадебное покрывало индийской девушки начинали вышивать, когда невеста еще не вышла из раннего детского

возраста. Обычно девушки выходили замуж в 13-14 лет.

Глава вторая

1753 год, Париж

Генрих де Лаваль нетерпеливо прогуливался вдоль улицы Розье, бывшей одним из самых оживленных мест в аристократическом квартале Марэ. Над высокой крепостной стеной, построенной еще во времена тамплиеров, поднимался густой аромат сотен розовых кустов, в честь которых и была названа улица.

На занятия со своими учениками, особенно если они были из состоятельных семейств, молодой человек, как водится, приходил в строгом наряде — темном шелковом камзоле, белых чулках, черных башмаках с пряжками, перчатках и напудренном парике.

Сейчас, когда на нем был простой, расстегнутый на груди камзол поверх полотняной сорочки, а блестящие русые волосы трепал теплый весенний ветер, Генрих, или Анри — так его называли родные и друзья, — выглядел удивительно открытым и юным.

Он смотрел на нежно-золотой закат, озарявший лица прохожих, на сияющие в солнечных лучах скаты крыш, на переливающееся красками небо и улыбался взволнованной, радостной улыбкой. Анри был охвачен безудержным пылом молодости, когда кажется, что все нипочем и все еще впереди. В ту пору его любимым изречением были слова Руссо:

«Истинная любовь — всепожирающий огонь, он воспламеняет другие чувства и вдыхает в них новые силы. Вот почему говорят, что любовь создает героев».

В жизни Анри де Лавалья не случилось ничего героического. Его отец увлекался ранними сочинениями Монтескье, выступал за политическую свободу и просвещенное государство, знал несколько языков и сочинял статьи. От него сыну передался интерес к чтению книг и изучению языков, а больше наследовать было нечего: после смерти Шарля де Лавалья в дом явилась толпа кредиторов, и ошеломленный Анри и его несчастная мать потратили остатки состояния на уплату долгов.

Отец и мать любили друг друга и любили Анри, но в те страшные дни молодой человек понял, что для Шарля де Лавалья жизнь была прекрасной, захватывающей иллюзией. Он думал о чем угодно и делал, что хотел; пространство и время не были для него чем-то определенным и четким, над ним не висели обязательства, и его не тяготил долг. Он наслаждался книгами и писал заметки, позволял жене носить нарядные платья, а Анри отправил учиться в знаменитый Наваррский коллеж.

После смерти отца коллеж пришлось бросить, дорогие вещи — продать, переехать в маленький домик на окраине Парижа и начать зарабатывать на жизнь. Анри стал давать уроки отпрыскам богатых семейств, благо он был дворянином и знал английский, немецкий, латынь и основы древнегре-

ческого. Юноша мечтал изучить какой-нибудь необычный, редкий язык, но мечты пришлось оставить в прошлом.

Постепенно Анри приспособился к новому положению, а вот его мать — нет. После смерти мужа в ее поведении начали проявляться странности: она могла подолгу сидеть, уставившись в одну точку, иногда говорила сама с собой, порой пела. Временами она узнавала сына, а случалось, что нет. Она вела себя тихо, но находиться в ее присутствии было безмерно тяжело. Добрые люди предлагали Анри отправить Матильду де Лаваль в лечебницу, но он не хотел слышать об этом. Молодой человек нанял сиделку, которая наблюдала за матерью днем, а по ночам сам вставал, чтобы дать ей лекарство, после чего, случалось, до утра сидел рядом и держал ее руку в своей.

В такие минуты Анри де Лаваль с пронзительной болью в душе осознавал, сколь велика и мучительна разница между прошлым и настоящим, и понимал: возврата к прежней жизни нет и быть не может. Изредка он позволял себе вспоминать о бесконечном, неспешном, счастливом течении дней, не пронзенных осколками горя, не нарушаемых осознанием несбыточности желаний и бесполезности чувств.

Ученики и ученицы Анри были разного возраста; девочки постарше легко влюблялись в молодого красивого учителя, но Анри был строг и ни разу не допустил ни вольной улыбки, ни неподобающего тона.

А потом его пригласили к Урсуле Гранден, двадцатилет-

ней дочери заместителя председателя совета директоров широко известной в те времена компании Восточной Индии, которая занималась колониальной торговлей. Держателями акций этого предприятия являлись многие видные люди, в том числе сам король Людовик XV. Леопольд Гранден считал себя просвещенным человеком и желал, чтобы дочь знала латынь, а также английский, язык конкурирующей с Францией страны.

Увидев Урсулу, Анри понял, что означают слова «жить — значит любить». В ней было столько женственности, страстного любопытства, милого лукавства и скрытого задора!

Эта девушка принадлежала к другому миру, миру, который не цеплялся за прошлое, а жил настоящим и был уверен в будущем. Предки Урсулы были обычными торговцами, и ее семья гордилась не благородством происхождения, а осознанием того, что они оседлали непокорную судьбу и победили жестокую жизнь.

Обстоятельства не позволяли Анри открыто выражать свои чувства, но Урсула первой дала понять, что он ей нравится, и с тех пор молодые люди наслаждались быстрыми взглядами, жгучими пожатиями рук, приносящими куда больше наслаждения, чем могли бы доставить самые страстные объятия. У них было мало времени — тем откровеннее была каждая произнесенная фраза, тем больше любви излучала мимолетная улыбка.

По окончании обучения перед ними встал неизбежный

вопрос: как быть дальше? Урсула рассуждала с присущей юной девушке неопытностью: ее отец богат, они с Анри любят друг друга, так почему бы им не пожениться? Отец выделит любимой дочери хорошее приданое и средства на жизнь, а от Анри она получит дворянскую фамилию и доступ в высший свет.

Она поведала любимому о своих планах, и он сказал, что для того, чтобы вращаться в светском обществе, недостаточно иметь дворянское происхождение, образование и хорошие манеры, нужны еще и средства. Но он не собирается существовать на деньги ее отца, потому что не приемлет брак по расчету. Единственное, что он может ей предложить, — это жизнь в маленьком домике вместе с его больной матерью и без особой надежды когда-либо выбраться из безвестности и бедности.

Круг замкнулся. Анри страстно желал этого брака, но не был уверен в том, что мечта может осуществиться. Он предлагал подумать и подождать. А Урсула, словно норовистая лошадка, стремилась поскорее перепрыгнуть через препятствие. Она сказала, что сама поговорит с отцом и попытается заручиться его согласием.

В конце улицы появилась знакомая фигурка, и Анри быстро пошел навстречу.

Глава третья

Урсула была в платье голубого атласа с облегающим корсажем, обшитым узким белым кружевом, и пышной юбкой. Туго завитые темно-каштановые локоны собраны на затылке и повязаны широкой белой лентой. Ее нежное лицо порозовело, полные лукавства глаза мягко сияли.

Анри взял ее руки в свои и поцеловал. Потом с обожанием посмотрел в лицо девушки, такое одухотворенное и прекрасное в косых лучах закатного солнца, и сполна ощутил, что значит быть счастливым.

— Я говорила с отцом, — с ходу начала Урсула. Ее грудь вздымалась от волнения и быстрой ходьбы. — Ты был прав: он против нашего брака. Он сказал, что для него главное не фамилия, а умение твердо стоять на ногах. И еще, — девушка нахмурилась, — он вспоминал о твоей матушке...

Анри вздрогнул. Он не подозревал о том, что Леопольд Гранден наводил о нем справки еще до того, как пригласил обучать свою дочь. Тогда его вполне удовлетворили полученные сведения. Скромный молодой человек, обедневший дворянин, трогательно заботящийся о матери, которая повредила рассудком, — чем не рекомендация для учителя!

— Что он говорил? — сдавленно произнес молодой человек.

— Что такие вещи передаются по наследству и что наши

дети могут быть не... не вполне нормальными.

Она с надеждой смотрела на Анри, и он уверенно сказал:

— То, что случилось с моей матерью, явилось следствием смерти отца и того, что наша жизнь так ужасно и резко изменилась. Я молод, и я мужчина, потому мне удалось справиться с потрясением, а ей — нет. Она... не смогла смириться с утратой той бездумной и легкой жизни, к которой привыкла за долгие годы, и потому... просто ушла от реальности.

— Почему твой отец имел деньги, а у тебя их не стало?

— Потому что он жил в долг, занимал у одних и отдавал другим — и так до бесконечности. Мы с матерью ничего не знали, мы просто не задумывались об этом. А я так не могу, не могу повернуться спиной к жизни и не смотреть правде в лицо. У меня нет связей, которые позволили бы мне заниматься чем-то другим, потому пока я вынужден делать то, что делаю.

— Ты хочешь жениться на мне, Анри?

Хотел ли он? Среди сумбура мыслей, неопределенности жизни и шаткости будущего это желание оставалось единственно понятным и ясным. Когда он видел глаза и улыбку Урсулы, ее девичью грудь, скромно прикрытую шелковой косынкой, на него накатывала жаркая тревожная волна и он забывал о горестях и заботах.

— Конечно, хочу!

— Чем ты готов пожертвовать?

— Практически всем.

— Отец сказал, что жертва, которую готова принести я, значительно больше.

Ее бархатистые карие глаза смотрели на него с любопытством и отчасти — оценивающе.

Анри вздохнул.

— Наверное, он прав. Только стоит ли сравнивать наши жертвы? Право любви — единственное право на земле, которое дает нам возможность быть вместе. Если мы им воспользуемся, наше желание исполнится, а если нет, тогда нам придется расстаться.

— Я не хочу, чтобы мы расстались.

— Я тоже.

— Ты можешь что-нибудь придумать?

В ее глазах было упорство и вызов. Анри не решился солгать.

— Я не знаю.

— А если бежать? Обвенчаться тайно? После этого отец не сумеет нам воспрепятствовать и приложит все силы к тому, чтобы мы жили счастливо и достойно!

Как и прежде, Урсула надеялась, что Леопольд Гранден ее простит и даст ей достаточно денег. Она была упряма и не хотела изменять своим желаниям.

Анри чуть заметно поморщился, однако стремление соединиться с ней было слишком велико, потому молодой человек не стал спорить и сказал:

— Как это устроить?

— Очень просто. Через две недели родители уезжают к родственникам в пригород Парижа. Я могу сказать, что не хочу ехать, дам тебе ключ от черного хода, и ты придешь за мной. Мы убежим и обвенчаемся где-нибудь в провинции. Если не найдем священника, который согласится совершить тайный обряд, все равно после отец не сможет запретить нам жениться, поскольку поймет, что мы уже были вместе.

Анри догадался, что она имеет в виду, и покраснел. Однажды он побывал в борделе вместе с приятелями по коллежу. Проститутка, с которой он уединился в комнате, была порядком пьяна; она побуждала его делать вещи, которых он стыдился, да еще и посмеивалась над его неопытностью и неловкостью. Именно тогда Анри решил, что в следующий раз ляжет в постель только с той женщиной, в которую по-настоящему влюбится, ибо наслаждение любовью есть наслаждение светлой и вечной души, а не только грешной и бренной плоти!

Они условились о дне и часе побега, и Урсула вернулась в свой дом с обитой узорчатым шелком мебелью, с зеркалами в фарфоровых рамах, посудой из эмалированной меди от Нуалье, серебром и хрусталем.

Дома ее ждал сюрприз. В гостиной сидел приятный темноволосый молодой человек, на губах которого играла приветливо-почтительная улыбка. Ее отец, Леопольд Гранден, и мать, моложавая и властная красавица Луиза, тоже были здесь; к удивлению Урсулы, они не стали ругать дочь за

несвоевременную отлучку.

— Познакомься, это Франсуа Друо, сын одного из сослуживцев твоего отца, — обворожительно улыбаясь, произнесла Луиза, притворно искренняя и подчеркнуто радушная.

Урсула не знала, что не далее, как позавчера отец и мать имели серьезный разговор, в завершение которого Луиза произнесла:

— Яд любви всемогущ, особенно для юного сердца. Есть лишь одно противоядие — другая любовь. Нужен молодой человек, желательно, привлекательный, с хорошими манерами, способный понравиться Урсуле.

— Не стоит спешить выдавать ее замуж, — возразил Леопольд Гранден. — Выбор подходящего жениха — ответственное дело, тем более если речь идет о нашей единственной дочери.

— Выдавать замуж необязательно, а заморочить голову надо. Иначе все закончится тем, что она сбежит с этим ничемным учителем!

— Мне не нравится Гастон Друо, с сыном которого ты намерена познакомить Урсулу, — заметил Леопольд, но его супруга стояла на своем:

— Я видела его сына, это очень приятный юноша. Вот что главное! Нужно отвлечь мысли Урсулы от этого Анри де Лаваля! Показать, что на свете есть другие молодые люди — красивые, образованные и достойные внимания. И не важно, принадлежат они к дворянскому сословию или нет.

Луиза Гранден обладала достаточным жизненным опытом, чтобы отстаивать свое мнение. Когда-то она была влюблена в дворянина и хорошо знала эту породу: отчужденное выражение на лице, высокомерное презрение к людям низших сословий, странные, порою противоречащие действительности понятия о чести — вечный щит, прикрывающий и коварную ложь, и пронзительную истину! Они редко отступают от уготованной им стези, они идут вслед за призрачным долгом, не обращая внимания на то, что их решения могут смертельно ранить чью-то душу!

Пара удачных комплиментов из уст Франсуа — и на щеках Урсулы, прирожденной кокетки, появились прелестные ямочки, а губы растянулись в невинной и вместе с тем соблазнительной улыбке.

Когда молодые люди вышли погулять в сад, мать девушки произнесла то, что собиралась произнести:

— Де Лавалья нужно убрать с нашей дороги. Желательно поскорее и навсегда.

Леопольд запротестовал.

— Как можно, Луиза!

Она жестко ответила:

— Можно. У тебя есть деньги и связи — разве этого недостаточно для того, чтобы вершить человеческие судьбы?

Леопольд Гранден не удостоил жену ответом. Он не любил использовать нечестные, а тем более откровенно грязные способы воздействия на людей. Он полагал, что Луиза

сильно взволнована и потому болтает чепуху. Но он плохо знал свою супругу.

Поздно вечером она вошла в спальню Урсулы и присела на изящный резной табурет. За окном, словно росинки на гигантском черном бархате, сияли звезды; кроны деревьев отбрасывали таинственные густые тени — комната была полна ими, точно темным ажурным кружевом.

Девушка неподвижно лежала в постели и мечтала. О, жаркие ладони Анри, глаза необыкновенного орехового цвета и его губы, несмело льнущие к ее губам! А это непонятное волнение во всем теле, пробуждающее мысли о чем-то неясном, но до боли желанном!

А Луиза вновь переживала дни своей юности. Когда Анри появился в их доме, она его узнала: по фамилии, а еще по потрясающему внешнему сходству с отцом.

Шарль де Лаваль не женился на ней, потому что она родилась в семье купца. Для него не имели значение ни красота Луизы, ни то, что ее отец был старшиной гильдии галантерейщиков и имел герб, на котором была изображена серебряная рука, держащая золотые весы. Именно о них думала Луиза, когда годом позже выходила замуж за Леопольда Грандена. Мерило всего — золотые весы, и не важно, что ты на них положишь, происхождение или деньги! Чаши должны быть равны: это и есть закон мира.

Шарль де Лаваль предпочел ей другую — ту, в жилах которой текла благородная кровь, а оскорбленная, брошенная

Луиза приложила все силы к тому, чтобы стать утонченной, изящной, как ненавистные ей, неприступные светские дамы! Она вышла замуж за порядочного и богатого человека, и чувство превосходства и мести заменило ей счастье. А потом наступили времена, когда любую наследственную должность можно было купить, когда стало возможным купить все. Кроме разве что любви. Но это уже не имело значения.

Луиза обрадовалась, когда увидела, в каком жалком положении находится сын Шарля, и испытала чувство удовлетворенной мести, услышав, что его жена повредила умом. Жаль, что сам Шарль умер и не может увидеть ее, мадам Гранден, по-прежнему прекрасную, здоровую, уважаемую, богатую!

Луиза желала продлить наслаждение и согласилась принять Анри в качестве учителя дочери. Но пути любви неисповедимы, а у сердец свои законы: ее дочь влюбилась в Анри, а он в нее. И это было равносильно катастрофе.

Заглянув в глаза Урсулы, в которых переливался свет луны и было много нескрываемой чувственности и надежды, женщина сказала:

— Все на свете рано или поздно теряет ценность, кроме золота и... любви. Беда в том, что при этом жизнь нередко ставит нам условие: либо то, либо это. — И прибавила: — Поверь, мне хорошо известно, что в твоем возрасте выбирают любовь.

Луиза умолкла, пытаясь найти во взгляде дочери понима-

ние. И тут у девушки вырвалось:

— О, если бы можно было не выбирать!

Луиза улыбнулась и ласково спросила:

— О чем вы сговорились, скажи? Отец был в гневе, но мне удалось его успокоить. Мне нравится этот юноша. Я тебе помогу. Если у тебя есть план, едва ли ты сумеешь осуществить его одна!

Урсула поколебалась, но все же решила сказать правду:

— Мы решили бежать. Когда вы с отцом уедете к Ревальерам, мы с Анри отправимся в провинцию и там обвенчаемся.

В темных глазах мадам Гранден промелькнула холодная, жесткая усмешка, но она не выдала себя и спросила у дочери, настороженно сжавшейся в ожидании ответа:

— Где вы встречаетесь?

— Я дам Анри ключ от черного хода и буду ждать его в доме. Неизвестно, когда мы вернемся, и мне придется взять с собой довольно много вещей...

— Что ж, — медленно произнесла Луиза. — У нас есть время все обдумать.

Глава четвертая

деревня Бала, Индия

С некоторых пор Тулси часто уходила в джунгли. Она не думала ни о диких зверях, ни о змеях. Здесь, под сомкнутым пологом изумрудных растений, среди желтых, белых, сиреневых цветов, выросших на кроваво-красной земле, она чувствовала себя свободной.

Стоило вернуться в деревню, как все начиналось сызнова. Тулси старалась молчать, а если говорила, то тихим безжизненным голосом, и в ее больших темных глазах не было и следа прежнего огня. Везде и всюду она чувствовала на себе косые взгляды, ее преследовали колкие словечки в спину и откровенные насмешки, которые односельчане бросали ей в лицо. Тулси не могла защититься, потому что обидчиков было много, а она одна.

Девушка часто размышляла о своем одиночестве. Мать умерла, отец ушел неведомо куда, даже дядя Чарака и тот отправился на войну. Все, кто любил ее или был способен любить, исчезли, и Тулси задавалась вопросом: не является ли она сама причиной своих несчастий? Об этом говорили и староста деревни, и жрец, и тетка Рохини. Ее родители нарушили священный закон, потому их дочь родилась отверженной, существом, несущим гибель всему, к чему прикоснется.

Каждый должен поступать согласно своей дхарме, отступ-

ление от правил есть беззаконие — девушка слышала это с раннего детства.

С такими мыслями Тулси вышла на дорогу. Хочешь, не хочешь, но пора возвращаться домой. Скоро день растает, и на землю с невероятной быстротой обрушится ночь.

Девушка торопливо шагала в сторону деревни, когда услышала стук конских копыт. В Бале не было лошадей, только буйволы, овцы и козы. На всякий случай Тулси отступила в сторону и вскоре увидела двигавшуюся навстречу процессию.

Вероятно, это был богатый человек со своей свитой — такое жителям Балы случалось видеть нечасто. Замерев на месте, Тулси смотрела на появившихся из-за поворота людей. В ее взгляде были и любопытство, и страх.

Впереди на тонконогом породистом коне ехал человек в лиловом шелковом тюрбане и свисающем на грудь, украшенном золотыми нитями шарфе. На нем были не дхоти, а штаны бирюзово-синего цвета и короткие красные сапоги из мягкой кожи.

Увидев девушку, всадник не удивился. Он подъехал к ней, остановил коня, и Тулси смогла разглядеть его красивое, строгое лицо. Мужчина выглядел старше Тулси, вероятно, ему было за тридцать. Он заговорил приветливо и в то же время требовательно:

— Здравствуй, девушка. Не беспокойся, мы тебя не обидим. Очевидно, поблизости есть деревня? Проводи нас туда

— один из моих слуг тяжело заболел, и ему нужна помощь.
Тулси кивнула.

— Хорошо, господин.

Она пошла впереди, указывая дорогу, всадники последовали за ней. Человек, которого несли на носилках, тяжело дышал и время от времени мучительно постанывал. Его лицо было бледно, живот вздулся. Тулси сказала:

— Наверное, ваш человек, господин, выпил плохую воду.
Я знаю траву, которой его можно вылечить.

— У тебя есть эта трава?

— Да. Я каждый год собираю ее и сушу. Я могу приготовить лекарство.

Он внимательно посмотрел на нее.

— Как тебя зовут?

— Тулси.

— А меня Рамчанд. Я живу в Калькутте и сейчас возвращаюсь домой.

Больше он ничего не сказал, но всю дорогу исподволь приглядывался к Тулси. В этой девушке было что-то необычное — не отсутствие привычной девичьей скромности, а некая особая искренность и смелость. Ни ее одежда, ни прическа не были украшены; Рамчанд не увидел даже традиционных золотых браслетов и серег, передающихся женщинами из поколения в поколение, и решил, что, по-видимому, девушка очень бедна.

Когда они пришли в деревню, там случился настоящий пе-

реполох. Не обращая ни на кого внимания, Рамчанд подъехал к дому Тулси и спешил. Навстречу выбежала тетка Рохини, а Тулси как ни в чем не бывало прошла на веранду и принялась готовить лекарство. Рамчанд и его люди ждали во дворе. Они и с удовольствием выпили молочной сыворотки и съели лепешки, которые Рохини разложила на пальмовых листьях. Рамчанд с любопытством, но без брезгливости разглядывал бедный двор, стоявший у крыльца ткацкий станок с укрепленной на кольях грубой рамой, развешанные на ограде вытертые циновки.

Рохини была горда тем, что этот человек остановился именно у нее. Без сомнения, он очень богат, но, вероятно, не принадлежит к высшей касте, раз спокойно сидит в их дворе и принимает приготовленную ею пищу.

Вышла Тулси с глиняной чашкой в руках и с поклоном протянула ее Рамчанду. Тот приказал, чтобы питье отнесли больному, а сам посмотрел на девушку.

В простом сари, почти без украшений, с гладко причесанными иссиня черными волосами, большими серьезными глазами, тонкими изящными руками, нежной кожей и мягким изгибом губ Тулси выглядела красавицей.

— Твоя дочь? — спросил он Рохини, когда девушка скрылась в доме.

Женщина угодливо улыбнулась.

— Племянница.

— Сколько ей лет?

— Недавно исполнилось двадцать.

— Просватана? — Рамчанд и сам не знал, зачем спрашивает.

— Нет, господин.

Он удивился.

— Почему? Неужели трудно найти жениха для такой девушки? На вид она скромна и послушна.

Рохини в замешательстве теребила край сари. Все из-за этой девчонки! Она надеялась, что гость даст ей несколько рупий, но если разговор пойдет слишком далеко, пожалуй, придется остаться ни с чем!

К счастью, Рамчанд заговорил о другом.

— Скоро стемнеет, пожалуй, нам не стоит двигаться дальше. Можем ли мы переночевать в твоём доме? Где твой муж?

— Он ушел с солдатами, которые приходили в нашу деревню. Отправился воевать за деньги.

— Солдаты? Англичане?

— Не знаю, мой господин.

Рамчанд вздохнул. Калькутта, прекрасный город из белого камня под жгучим солнцем и синим небом, была полна английских солдат; а начавшаяся англо-французская война нанесла торговле ощутимый удар. Военные корабли обеих держав усиленно охотились за торговыми судами, что приводило к бесконечному повышению и без того непомерных налогов как с одной, так и с другой стороны.

— Ты из вайшья?

— Да, господин.

Рамчанд кивнул.

— Жаль, но если твоего мужа нет дома, мы не сможем остаться. Придется поискать другое пристанище.

В это время к ограде подошла группа людей — деревенский староста и его приближенные. Стемнело; над миром горела луна. Ее свет был столь ярок, что, казалось, озарял каждый лист, проникал в любое окно, в самый темный и неприютный уголок.

Староста почтительно поклонился и предложил Рамчанду приют в своем доме. Тот согласно кивнул, поблагодарил Рохини, дал женщине денег и вместе со своими людьми покинул ее двор. Уходя, оглянулся на дом, но Тулси не вышла его проводить. Он был чужим человеком, чужим мужчиной, случайным прохожим на многолюдном жизненном пути.

— Я слышал, ваш человек заболел? — спросил староста, когда они с Рамчандом пили арак, сидя на покрытом ковром диване. Дом старосты был несравненно богаче дома Рохини: здесь была медная посуда, цветные половики и деревянные решетки на окнах.

— Ему стало лучше. Помогло лекарство, которое приготовила девушка по имени Тулси.

— Тулси?!

— Да, мы встретили ее на дороге, когда ехали к деревне. Староста сокрушенно покачал головой.

— Что-то не так? — с некоторым вызовом произнес Рам-

чанд. — Она принадлежит к низшей касте? Я не должен был принимать помощь из ее рук?

Староста замялся.

— Ее мать была из вайшья, а отец — брахман. Эта девушка родилась от незаконного союза.

— Я не знаю закона, который запрещал бы мужчине из высшей касты взять себе в жены женщину из более низшей. Если она, конечно, не относится к неприкасаемым[1].

— Родители ее отца были против этого брака. Но мать Тулси все равно ушла к нему. Они жили вместе, никого не стесняясь. Их даже хотели выгнать из деревни.

— Где сейчас ее родители?

— Где отец, неизвестно, а мать умерла, когда рожала Тулси. Девочку воспитала ее тетка.

Умерла во время родов... Рамчанд вздрогнул и едва удержался от того, чтобы в отчаянии закрыть лицо руками. Прошло больше десяти лет, и все эти годы он носил в своем сердце остановившееся время! Рамчанд женился, когда ему исполнилось двадцать. Согласно традиции, брак устроили родители, и до свадьбы юноша не видел невесту. Открывшееся зрелище показалось ему сказочным: сверкающая золотыми украшениями, нежная, как цветок, юная девушка в сари из переливающегося шафранового шелка со златотканой каймой, не смеющая поднять глаза. И он имел право коснуться ее, мог заключить в объятия!

Рамчанд был счастлив ровно год, но потом его жена ис-

текла кровью во время родов, а через сутки умер новорожденный сын.

Сейчас ему было тридцать два, он многого добился в жизни, имел большое влияние в торговом мире, у него был роскошный дом в Калькутте и достаточно денег. После смерти супруги ему прочили в жены юных красавиц, но царица его сердца, прекрасная Мадхукар, умерла, и вместе с ней ушло все, что было способно подарить ему настоящее счастье: огонь души, желанье любить.

— Значит, вина девушки в ее происхождении? — Рамчанд произнес эти слова с видимым осуждением, и староста сказал:

— Не только. Совсем недавно из-за нее погиб юноша из уважаемой семьи. Она завлекла его в лес, чтобы забавляться с ним, а потом несчастного укусила змея, и он умер в страшных мучениях! Она не чиста ни душою, ни телом, и едва ли найдется хотя бы один человек, который примет ее за равную и пожелает коснуться ее руки!

— Значит, до конца жизни ее будет преследовать осуждение, ненависть и насмешки односельчан? И для девушки, запертой здесь, как в клетке, единственным выходом станет смерть?

Староста поджал губы и сурово произнес:

— Она это заслужила.

Рамчанд не пожелал продолжать разговор и лег спать. А утром, едва проснувшись, отправился в дом Рохини.

Было рано; в ворота шумно выгоняли скот. Деревня выглядела живописно: во дворах и между ними росли деревья, которые дарили отрадную тень, цвели цветы, повсюду чирикали птицы.

Деревенские женщины были одеты кто богаче, кто беднее, но ладони, ступни, проборы почти каждой из них были покрашены краской из красной смолы. Все носили пояса из цепочек и пластинок, ножные и ручные браслеты. Украшения по большей части были дешевые и грубо сработанные, и Рамчанд представил, как выглядела бы Тулси в том великолепном убранстве, какое он мог купить для нее на свои деньги.

Именно тогда у него впервые зародилась мысль жениться на ней и тем самым спасти бедную, отвергаемую всеми девушку из затерянной в джунглях, полной предрассудков и темных людей деревни!

Рамчанд не поверил словам старосты — правда была в глазах Тулси, в ее голосе, в ее незащищенности и красоте.

Едва завидев вчерашнего господина, Рохини выскочила во двор. Рамчанд спросил Тулси, и девушка вышла из дома, застенчивая и серьезная.

Рамчанд не грубо, но твердо дал понять, что не желает разговаривать при тетке, и Рохини нехотя удалилась.

— Здравствуй, Тулси. Я пришел поблагодарить тебя. Мой слуга здоров. Мы можем трогаться в путь.

Она поклонилась.

— Я рада, господин.

— Скажи, ты бывала в Калькутте?

— Я никогда не выезжала из Балы.

В ее голосе, в том, как она держалась, сквозило редкое для ее положения достоинство, а еще Тулси обладала острым умом, какой, быть может, и не нужно иметь женщине.

— Ты хочешь уехать из своей деревни и посмотреть другие места?

Тулси ответила с откровенностью, на которую не решилась бы никакая другая девушка:

— Я желаю покинуть ее навсегда.

Рамчанд смутился, потом сказал:

— Обещаю, что приеду за тобой и заберу тебя отсюда.

Девушка не упала на колени, чтобы прикоснуться к его ногам, она лишь посмотрела ему в глаза.

— Если вы хотите забрать меня, господин, сделайте этой сейчас, потому что позже вас будут заботить другие дела или, возможно, вы станете размышлять над черными словами, которые произнесли мои односельчане, и они пустят корни в вашей душе.

Рамчанд изменился в лице.

— Ты права. Позови свою тетку.

Пришла Рохини; она держалась суетливо, поскольку не знала, чего ожидать от богатого гостя.

— Я увожу вашу племянницу в Калькутту. Там мы сыграем свадьбу. Брачное покрывало девушки готово?

Рохини на мгновение онемела. Она могла ожидать чего

удобно — внезапного урагана, падения неба на землю, пришествия злых демонов, — но только не этого.

— Покрывала нет. Мои дочери еще малы, а Тулси...

— Понятно. Я спросил, чтобы убедиться в том, что и предполагал. Не беспокойтесь, все будет сделано без вас.

— Но я... я не могу отдать ее просто так! — опомнилась Рохини. — Моего мужа нет, и я не знаю, с кем посоветоваться...

Рамчанд небрежно швырнул в пыль туго набитый сафьяновый кошелек.

— Надеюсь, этого будет достаточно для того, чтобы вы отпустили ее со мной и навсегда забыли о ней?

Рамчанд посадил Тулси в седло перед собой и, пока они ехали, рассказывал ей о Калькутте, своем доме и своих делах. Он сам поражался тому, как легко у него на сердце. Точно он снял себя давний груз и получил возможность мечтать о будущем. Эта девушка, не знающая роскоши, привыкшая только к несчастьям, будет ему хорошей, верной женой. Он нарядит ее как царицу, введет в брачные покои, насладится ее красотой и невинностью, а потом она родит ему детей.

Рамчанд с удовлетворением вспоминал о том, как на площадь высыпала вся деревня, как жители Балы смотрели на Тулси. Он видел в их взглядах неверие, зависть, изумление, ненависть — все то черное, что способна породить человеческая душа. Что ж, духовное бездорожье — самый легкий путь: иной человек поймет это только тогда, когда возродит-

ся вновь, или не поймет никогда, если станет травой или камнем.

В лице Тулси не было презрения и превосходства. Она обладала чистой и светлой душой.

— Ваши родители, господин, не будут против нашего брака?

— Мой отец умер, а мать, как вдова, взошла на погребальный костер. Я живу с тетей, она меня воспитала. Ее зовут Кайлаш, она очень добра. Она была младшей сестрой моей матери и отказалась от замужества ради меня. Кайлаш много лет мечтала о том, чтобы я вновь женился, и будет рада увидеть мою невесту.

Рамчанд поведал о своем первом браке, и Тулси думала: «Сколько трагедий в одной семье!»

Она искренне желала сделать его счастливым, правда, не совсем понимала, что для этого нужно. Наверное, надо родить ребенка, лучше сына, как говорил Рамчанд. Что ж, она с радостью исполнит его желание, если на то будет воля богов!

Девушка хорошо понимала, чем обязана этому человеку. Ее ждали свобода от унижений и сплетен, избавление от безбрачия и нищеты, возвращение надежды на будущее и желание жить.

[1] Неприкасаемые считались отверженными и выполняли самую грязную работу. Контакт с ними представителей всех других каст считался недопустимым.

Глава пятая

Париж

Анри де Лаваль вошел в скромно обставленную гостиную. В парадных комнатах их прежнего дома стояла обитая синим шелком мебель с витыми точеными ножками. Единственным, что сохранилось от тех времен, было массивное бюро темного дерева, которое Анри поставил в маленькой комнатке, служившей ему одновременно спальней и кабинетом, да еще книги его любимых авторов — от Гомера и Овидия до Ронсара и Руссо.

Навстречу вышла сиделка, мадам Рампон, и бодро произнесла:

— Сегодня хороший день! Она почти не заговаривалась. Вы будете есть? Я приготовила мясо с овощами.

Из экономии они не держали кухарку. Когда выдавался «хороший» день, мадам Рампон готовила что-нибудь на скорую руку, а в иное время Анри довольствовался куском хлеба с сыром да сваренным вкрутую яйцом.

— Возможно, мне придется ненадолго уехать. Вы сможете присмотреть за моей матерью? Я все оплачу.

Мадам Рампон вытаращила глаза, в глубине которых промелькнуло острое любопытство. Анри всегда держался отстраненно и никогда не посвящал ее в свои тайны. Но сейчас в его тоне проскользнуло искреннее волнение, граничившее

с желанием поделиться сомнениями и получить совет.

Молодой человек прошел к матери и немного посидел с нею. Его сердце трепетало от грусти, нежности и безнадежности. Сегодня действительно был «хороший» день: Матильда де Лаваль лежала в постели и неподвижно смотрела в потолок, ничего не требовала, ничего не замечала. Какие расстройства преодолевала она своим взглядом, в какие глубины проникала померкшим для реальной жизни сознанием?

Анри гладил ее руку и с настойчивым, почти фанатичным упорством гнал от себя предательскую мысль: Урсула никогда не сможет здесь жить. Она знает его другим, она не видела этой комнаты и не встречалась взглядом с глазами его матери! И родители Урсулы никогда не выдадут ее замуж за человека, который таскается из дома в дом, обучая языкам господских детей! Внезапно он увидел свое положение со стороны, ужаснулся тому, сколь оно зависимо и унижительно, и его взор затуманился от охватившего его отчаяния.

Вернувшись к себе, молодой человек сел, взял перо и быстро начертил в своем дневнике: «Моя жизнь изменится. Скоро у меня появятся деньги, я стану другим — решительным, независимым, смелым. Я приложу все усилия к тому, чтобы это свершилось, даже если мне придется совершить самые немыслимые поступки, даже если придется пойти против самого себя».

Прошло две недели. Весна была в разгаре, над Елисейскими полями звенели жаворонки, строгие здания были залиты

солнцем, между камнями мостовой пробивалась трава.

Анри шел мимо Сорбонны, изредка глядя наверх, на высокие окна и серые шиферные крыши. Ему никогда не придется учиться здесь; хотя он обладал гибким умом, прекрасной памятью и с жадностью постигал новые знания!

Больше всего на свете Анри увлекали языки. *Doset omnia*[1] — так он мог сказать о каждом из них. Недаром говорят, что язык вбирает в себя все сокровища культуры народа! Изучение любого нового языка казалось Анри путешествием в неизведанную страну.

А еще ему нравилось учить других. Но если его невеста будет возражать, он оставит свое нынешнее занятие и постарается найти что-то другое. Ради любви к Урсуле Анри был готов ко всему, кроме того, чтобы бросить мать.

Неделю назад молодой человек нанес визит родителям девушки и имел с ними откровенный и неприятный разговор. Леопольд Гранден предложил заплатить Анри, лишь бы только он оставил их дочь в покое. Анри вспыхнул, и они обменялись довольно резкими выражениями. Больше всего молодого человека покорила улыбка матери Урсулы, в ней сквозило снисхождение, превосходство и откровенная неприязнь. Женщина не произнесла ни слова, но он почувствовал ее неприятие и осознал ее силу. Она словно смотрела представление, финал которого был известен наперед.

В конце беседы Анри произнес роковую фразу: «Что бы вы ни делали, вам не удастся нас разлучить. Мы все равно

будем вместе. Я никогда не откажусь от Урсулы».

Это было полбеда. Молодой человек не знал главного. Спустя день после его неудачного визита Луиза спросила мужа:

— Так что же ты все-таки думаешь о мсье Друо?

Леопольд Гранден покачал головой.

— Я ему не доверяю. Ходят слухи, что он привык зарабатывать деньги сомнительными способами. К несчастью, я не знал об этом раньше и потому голосовал за его кандидатуру, когда он пожелал работать в компании. Кроме того, ему удалось купить большое количество акций. Но клянусь, ему никогда не занять сколько-нибудь значительного поста, потому что...

— Я уже говорила, что это не важно, — решительно прервала Луиза. — Пригласи его к нам вместе с сыном.

Она с первого взгляда распознала в Гастоне Друо, всеми правдами и неправдами старавшегося проникнуть в их дом, ловкого человека, без лишних и глупых понятий о чести, которые, если речь идет о настоящем деле, только мешали. К тому же Луиза заметила полные неподдельного восхищения взгляды, которые он бросал в ее сторону, и ей это польстило. Именно она впервые пригласила его на чай, когда они с мужем случайно повстречали Гастона и Франсуа во время воскресной прогулки.

Тогда Гастон пришел один, и в конце вечера Луиза небрежно произнесла, что будет рада, если к ним невзначай

заглянет и сын: она познакомит Франсуа со своей дочерью Урсулой.

Нельзя сказать, что Леопольд всегда и во всем подчинялся жене, просто тогда его мысли занимала не только судьба дочери, но и другие дела. В свое время он вложил немало средств в Индийскую компанию, прельстившись возможностью быстро и легко заработать, но прошло время, правительство начало терять интерес к этому предприятию, а в колониях вспыхнула война между французами и англичанами. В результате цена акций то падала, то росла, на бирже периодически воцарялась атмосфера паники. Как человек, входящий в совет директоров компании, Леопольд Гранден чувствовал ответственность не только перед семьей, но и перед своими акционерами.

И вот Гастон Друо сидел в их гостиной, наслаждаясь изысканной обстановкой дома.

Когда молодые люди вышли в сад, а Леопольд под каким-то предлогом поднялся наверх, Луиза сказала:

— Надеюсь, вы понимаете, что я пригласила вас не случайно. Мне нужна ваша помощь. И у вас, несомненно, тоже есть свой интерес.

Гастон усмехнулся — он не ожидал от нее такой прямоты. Он принадлежал к породе людей, у которых нет прошлого, которые действуют осторожно, говорят, тщательно подбирая слова, и редко смотрят людям в глаза, возможно, потому, что чувствуют власть своего взгляда так же хорошо, как знают

силу своей хватки. Он ограничился тем, что спокойно пожал плечами.

— Может быть.

Луиза была не из тех, кто легко отпускает добычу, и поэтому сразу перешла к делу.

— Видите ли, моя дочь влюблена...

Собеседник улыбнулся.

— Что в этом плохого?

— Влюблена в того, в кого не нужно было влюбляться!

Гастон с удивлением наклонил голову, а она с нарочитой беспечностью продолжила:

— Девичья любовь что дым: стоит ветру смениться, и его понесет в другую сторону. Этот человек стоит у меня на дороге, и его нужно убрать.

— Кто он?

— Обедневший дворянин, жалкий учитель. Его мать — сумасшедшая, ее впору поместить в лечебницу.

— Может, просто припугнуть или заплатить?

Женщина поморщилась.

— Не та порода. Эти люди никогда не отступают от задуманного. Знаете, что такое дворянская гордость?

Гастон пожал плечами.

— Нам это несвойственно.

— Да уж.

— И мы знаем, что жизнь ломает всех.

— Ваша правда. Но иногда ломать нужно сильно, так, что-

бы сразу и навсегда.

— Вы ненавидите дворян?

— Ненавижу. И всех де Лавалей — особенно.

— Хотите отомстить за испорченную слезами подушку?
— пошутил Гастон.

Женщина сузила глаза.

— Это вас не касается.

Он хищно усмехнулся.

— Что вы можете обещать взамен?

— А еще нужно, — продолжила Луиза, не отвечая на вопрос, — чтобы ваш сын очаровал Урсулу и она начала сомневаться в прежних чувствах. Сроку — одна неделя. Могу заметить, что моя дочь, как и я сама, любит настойчивых и смелых мужчин.

Она встала и прошла по комнате — спокойная грация движений, слегка откиннутая назад голова, тяжелый узел волос на затылке, причудливые изломы складок бархатного платья.

— Да, вы правы, у меня есть свой интерес, — сказал Гастон. — Например, я желаю стать членом совета директоров и хочу, чтобы Франсуа тоже занял достойный пост в компании. Но мне кажется, что в отличие от вас ваш супруг недооценивает мои способности.

Луиза остановилась против него. В ее глазах были дерзость, вызов, а не только женское кокетство.

— Вы считаете, что такая женщина, как я, не способна

влиять на мужа?

Гастон Друо отвечал взглядом, который светские дамы сочли бы оскорбительным. Но Луиза улыбнулась с чувством удовлетворенного тщеславия: она явно предвкушала скорую победу.

Не знал Анри и о том, что всю прошедшую неделю Франсуа Друо вывозил Урсулу из дома то на прогулку, то в театр. Родители девушки всячески поощряли эти встречи, да и сама Урсула с радостью принимала ухаживания нового поклонника. Франсуа был красив, остроумен, настойчив и смел; девушка смеялась над его шутками и однажды даже позволила ему поцелуй.

За ужином Луиза сокрушалась по поводу того, как тяжело жить в Париже, если за душой нет ни гроша, потчевала близких увлекательными, на первый взгляд, и одновременно страшными рассказами о знаменитых сумасшедших. Так, например, она рассказала о семействе кардинала Ришелье, из-за брака безумной сестры которого прервался род принца Конде. Кроме того, она всячески подчеркивала достоинства Франсуа.

Последний не преминул заметить:

— В сущности, любой учитель, преподает ли он танцы или языки, это тот же слуга. Надеюсь, вы слышали об индийских кастах? Одни служат другим, и на этом их общение заканчивается. Они разделены стеной, которую невозможно разрушить. Признаться, мне нравится мир, в котором все так

четко и определенно!

Сидевшая рядом Урсула прикусила губу. Пожалуй, она сочла бы ниже своего достоинства влюбиться в слугу!

Интерес общества к далекой сказочной стране был весьма велик: с начала сороковых годов Франция и Англия вели упорную войну за индийские колонии. Леопольд, лучше других осведомленный о том, что творится в завоеванных землях, охотно поддержал разговор об Индии; они с Франсуа принялись обсуждать положение в стране и ее обычаи.

Урсула молчала и думала. За все это время она виделась с Анри только однажды, когда передавала ему ключ. Да, он был красив и романтичен, пылко и нежно влюблен. Однако теперь девушка находила в нем некую ограниченность; она даже начала подозревать, что он в большей степени думает не о ней, а о себе. «Моя мать», «моя честь», «я не могу поступить по-другому», «тебе придется» — Урсула вспоминала эти и другие фразы, и они начинали ее раздражать. Анри улыбался гораздо реже, чем Франсуа, и у него часто менялось настроение: не было ли это признаком болезненной неуравновешенности натуры, с которого зачастую и начинается безумие?

В этот момент Франсуа сказал:

— Весна в разгаре, сейчас на природе хорошо как никогда, и я приглашаю всех вас на загородную прогулку!

— У меня есть предложение получше, — с улыбкой произнесла Луиза. — Через несколько дней мы едем в одно из

парижских предместий — хотим навестить родственников Леопольда. Предлагаю отправиться с нами. Там прекрасные лужайки и лес, мы сможем вдоволь развлечься и устроить пикник!

Франсуа повернулся к Урсуле. Девушка растерянно и напряженно молчала. Именно в это время она собиралась бежать с Анри, и мать обещала ей помочь. Вероятно, Луиза забыла об их разговоре.

Урсула взглянула на Франсуа. В нем тоже чувствовалась порода, иная, чем в Анри, — порода завоевателя и хищника, порода сильных мира сего, которые умеют покорять женщин, преодолевать препятствия и не жалеют тех, кто волею судьбы, случая или по вине собственной слабости потерял свое лицо и оказался за чертой.

Наступила долгожданная ночь. Анри подошел к дому Урсулы. Светлые стены особняка мягко серебрились в лунном свете. Над головой беспокойно мерцали и вспыхивали звезды, тихий шелест травы и деревьев в саду напоминал чьи-то легчайшие вздохи. Урсула сказала, что родители отпустят всех слуг, кроме старого лакея Тома и ее личной служанки, но лакей глуховат, а с горничной она сумеет договориться.

Анри посмотрел вверх. Ни одного огонька! Должно быть, Урсула уже собралась и дожидается его прихода. Молодой человек оставил свои вещи в саду, открыл ключом дверь черного хода и тихо вошел. Глаза быстро привыкли к темноте, и Анри хорошо различал ступени крутой лестницы.

Поднявшись наверх, он очутился в гостиной. Здесь тоже было темно. Лунный свет, казалось, окутывал мебель прозрачной дымкой. Таинственно поблескивали зеркала. Анри сделал шаг и натолкнулся на что-то большое и темное. Он нагнулся и увидел Тома, который лежал на полу лицом вниз.

Молодой человек подумал, что, возможно, старику стало плохо, попытался его перевернуть и только тогда заметил, что из спины лакея торчит загнанный по самую рукоятку нож, а все вокруг залито кровью. Анри похолодел. Вероятно, в дом забрались грабители! А как же Урсула?!

Он вскочил на ноги, но не успел сделать и шага — на голову обрушился тяжелый удар, и Анри свалился на пол рядом с бездыханным телом Тома.

[1] Учит всему (*лат.*).

Глава шестая

Калькутта, Индия

Калькутта, расположенная на реке Хугли, одном из рукавов дельты Ганга, ошеломила Тулси многолюдностью, шумом, яркими красками. Жизнь улиц закипала на рассвете и бурлила до позднего вечера. Яркие лучи солнца оживляли и зажигали краски храмов и дворцов, которые казались гигантскими драгоценными камнями, рассыпанными по бесконечной глади земли. Было жарко, и толпы людей искали прохлады в тени сводов каменных ворот, под кронами деревьев, под навесами многочисленных лавок.

Рамчанд жил в большом доме с просторной верандой. Белые стены снаружи были украшены орнаментом, внутри — завешены дорогими коврами. В саду росли ярко цветущие деревья и был устроен бассейн, ежедневно наполняемый свежей водой. Тулси впервые увидела серебряную посуду с чеканными узорами, мебель из гладкого сандала и нежного розового дерева, множество красивых предметов из металла, золота и слоновой кости.

Рамчанд преподнес невесте дорогие подарки, а также, зная страсть женщин к покупкам, предоставил девушке возможность самостоятельно выбрать украшения, одежду и ткани. Тулси отправилась на рынок вместе с Кайлаш и была искренне изумлена многообразием товаров. Чего здесь толь-

ко не было! Тончайший шелк, вышитые золотом тюрбаны, серьги для носа и ушей, кольца, ожерелья, кулоны, пояса, головные украшения, ножные и ручные браслеты. Всевозможные масла из мускуса и камфары, краска из красной смолы для ладоней, подошв и пробора, сурьма для подводки глаз, палочки с благовониями, цветочные гирлянды... Груды корзин с зерном, рисом, овощами, рыбой, ряды горшков с растительным и коровьим маслом, горы коробочек со специями.

Кайлаш уговорила Тулси купить синее сари с ярко-желтой каймой и головное украшение, все в тонких филигранных цепочках и мелких золотых розетках. Когда Рамчанд привез в дом незнакомую, бедно одетую девушку и велел готовиться к свадьбе, женщина не возразила ни единым словом. Мужчина, даже если он твой племянник, — хозяин в доме, и его слово — закон.

Хотя Кайлаш перешагнула сорокалетний рубеж, она была маленькой и худенькой, как девочка. Как и говорил Рамчанд, его тетя оказалась приветливой, доброй женщиной и очень скоро подружилась с Тулси. Кайлаш, отказавшаяся от брака и возможности иметь детей — что было свято для любой индианки, — держалась со спокойным достоинством и вовсе не выглядела несчастной. Когда мать Рамчанда взошла на погребальный костер мужа, Кайлаш была юной девушкой, и кто знает, быть может, именно зрелище мучительной смерти сестры заставило ее отречься от супружества.

Они шли по улицам Калькутты, «обитатели Кали», прекрас-

ной и многоликой, как древние боги, и Тулси вспоминала недавний сон. Девушка рассказала Кайлаш о своем желании посетить храм великой богини.

Мимо без конца проезжали влекомые волами повозки, под тростниковыми сводами лавок были навалены тюки товаров, то тут, то там мелькали тощие, сожженные солнцем тела людей.

Тулси и Кайлаш медленно брели под изумрудным навесом высоких раскидистых деревьев и беседовали.

Мать Рамчанда умерла, мать Тулси тоже, потому подготовить невесту к свадебной церемонии и первой брачной ночи взялась Кайлаш, ближайшая родственница по женской линии, сама ни разу не испытывавшая мужской ласки.

— Женщина рождена для мужчины, и ее долг — служить ему, — говорила она таким тоном, каким могла бы повторять священные тексты. — После свадьбы ты вся без остатка будешь принадлежать мужу. Говорят, что с удовольствием, получаемым от слияния тел, не может сравниться ничто, но не каждая женщина начинает испытывать его с первой ночи. Потому сначала думай о муже. Любовь — это искусство, которому надо учиться, только тогда мужчина будет доволен тобой. Брачная ночь очень важна, это ритуал очищения, когда души супругов сливаются воедино, так же, как их тела.

— Я не знаю, как доставить удовольствие мужу! — взволнованно произнесла Тулси.

Ей очень хотелось угодить Рамчанду. Если она не принес-

ла будущему супругу приданого, то была просто обязана сделать его счастливым!

— Тебе и не надо об этом знать — ведь ты еще не была с мужчиной. Старайся улыбаться и быть нежной, а если тебе что-то не понравится или ты почувствуешь боль, не подавай виду.

Они подошли к храму. Двор был выложен большими плитами из серого камня, между которыми побивалась трава. Сам храм был изящный, вычурно отделанный скульптурной резьбой, прекрасный, словно застывший сон. Постепенно страх Тулси перед грозной богиней исчез. Кали приходит только тогда, когда на земле умножается зло. Она способна как наносить, так и излечивать раны, как отнимать, так и приносить дары.

Перед храмом сидело много людей, иные в одних набедренных повязках, другие — в длинных красивых одеждах. Какой-то старик предсказывал будущее по таинственным знакам на ладони, а то и просто по взгляду того, кто к нему подходил.

Девушка не удержалась и, подав ему монету, спросила:

— Что меня ждет?

К удивлению Тулси, предсказатель, мельком взглянув на нее, сказал:

— То, о чем ты сейчас мечтаешь, не принесет тебе счастья, девушка. Сладкий обман твоей жизни будет недолог.

Тулси испуганно отпрянула и вцепилась в руку Кайлаш.

В странных словах старика ей почудился неумолимый голос судьбы. Что если свадьба не состоится? Какое еще несчастье способно перевернуть ее жизнь?!

Глава седьмая

Париж

Допрос происходил во Дворце правосудия, первой инстанции, где рассматривались гражданские и уголовные дела. В помещениях было мрачно, голые каменные стены источали холод.

— Итак, де Лаваль, вы сознаетесь в том, что проникли в дом Леопольда Грандена с целью кражи его имущества?

— Нет, — терпеливо отвечал Анри. — Я пришел туда, чтобы встретиться со своей невестой, Урсулой Гранден. Именно она дала мне ключ от черного хода.

— На каком основании вы называете мадемуазель Гранден своей невестой?

— Мы собирались бежать и пожениться. Разве она не сказала вам об этом?

Судья оставил его вопрос без внимания и продолжил допрос:

— Когда служители правосудия настигли вас, вы держали в руках нож, которым был убит Тома Дюкло, а ваши руки были испачканы кровью. Кроме того, в ваших карманах обнаружались драгоценности, принадлежавшие мадам и мадемуазель Гранден, а также деньги.

— Неужели вы думаете, что я мог забраться в дом девушки, на которой собирался жениться, и убить человека, пол-

века верой и правдой служившего ее семье?! Для этого надо быть либо отъявленным негодяем, либо безумцем! — в отчаянии воскликнул Анри.

Судья сделал глубокомысленную паузу. Потом произнес:
— Как объяснить запись в вашем дневнике: «Моя жизнь изменится. Скоро у меня появятся деньги, я стану другим, решительным, независимым, смелым. Я приложу все усилия к тому, чтобы это свершилось, даже если мне придется совершить самые немыслимые поступки, даже если придется пойти против самого себя».

— Причем тут мой дневник? Я же не написал, что собираюсь ограбить свою невесту и убить ее лакея! Я не знаю, откуда в моих карманах появились драгоценности и деньги. Все, что я помню, это удар по голове, после которого я потерял сознание.

— Кто вас ударил?

— Спросите у того, кто это сделал! Едва я пришел в себя, меня арестовали, вывернули карманы, и я с изумлением увидел украшения и деньги.

— Вы хотите сказать, вам их подложили?

Анри пожал плечами.

— По-видимому, так.

— Кто?

— Не имею понятия.

Судья вновь помолчал, потом сказал:

— Советую сознаться. К сожалению, все говорит против

вас. Ключ вы украли, когда служили в доме Гранденов, в ту ночь Урсула Гранден не собиралась бежать с вами, поскольку накануне она уехала с родителями и женихом в гости к родственникам.

Анри был потрясен.

— С женихом?!

— Имя Франсуа Друо вам ничего не говорит?

— Нет.

— Если вы не подпишете признание здесь и сейчас, вас ждут пытки. У вас красивые зубы, целые кости, не изуродованная шрамами кожа, гибкое тело. Подумайте об этом.

По телу Анри пробежал холодок.

— Я не преступник! Я дворянин!

— Тут нет дворян и недворян, есть воры, убийцы, грабители, фальшивомонетчики и прочие. В вашем случае королем дано разрешение применять допрос «с пристрастием» независимо от происхождения.

— Я волнуюсь за мать, — прошептал Анри. — Она очень больна.

— Могу сообщить, хотя это и против правил, что мсье Гранден был столь добр, что поместил вашу матушку в лечебницу для душевнобольных и оплатил расходы сиделки.

Анри не смог сдержать слез отчаяния. Его мать в лечебнице, и он ничем не может ей помочь, а Урсула неизвестно почему отказалась от него! По-видимому, предпочла другого... Кто-то очень влиятельный приложил к этому свою же-

стокую руку!

— Мне не в чем сознаваться.

— Воля ваша, — сказал судья. — Только не говорите, что я вас не предупреждал.

Он предупреждал не напрасно. По закону пытки должны были длиться не более часа, но на самом деле они продолжались до тех пор, пока обвиняемый не ставил свою подпись на соответствующей бумаге. В протокол заносились все подробности ужасного действия, включая крики и обмороки преступника.

Потом, в камере, товарищи по несчастью лили на Анри воду, чтобы он пришел в себя. Когда молодой человек открыл глаза, то сразу вспомнил, что постыдно сознался во всем. Это было невыносимо. Он знал, что невиновен, но поставил свою подпись, потому что не вынес позора и боли. И тем обрек себя на еще более сильную боль и больший позор. Теперь Анри понял: все то, что он, будучи на свободе, принимал за жестокие испытания, не шло ни в какое сравнение с тем, что ждало его в будущем.

Он целый день просидел в углу, на толстом слое сухой грязи, соломы и тряпья, как побитая собака, а потом к нему подошел один из старожилов камеры и сказал:

— Мне нужны деньги.

Анри поднял на него полные мрака и муки глаза и равнодушно произнес:

— У меня нет денег.

Человек усмехнулся.

— Я не спрашивал, есть они у тебя или нет, я сказал, что они мне нужны.

С этими словами он бесцеремонно пнул Анри ногой. Молодой человек встал. На том, кто с ним разговаривал, были кандалные цепи, и теперь он внезапно поднял руки и, резким движением обвив ими шею Анри, прижал его к стене.

— Говорят, ты дворянин? Давай проверим, так ли это — поглядим, какого цвета у тебя кровь!

— Она такая же алая, как у тебя, — через силу прохрипел молодой человек, — только моя душа не такая гнилая и черная!

Он плюнул обидчику в лицо и был уверен, что его тут же убьют, но ошибся. В его взгляде было столько беспощадного отчаяния и смелости, столько безумной жестокости, что его оставили в покое.

Тем же вечером у Анри начался жар. Сказалось перенапряжение, вдобавок воспалились полученные во время пыток раны. Его кружило в водовороте кошмаров, бросало в пучину пульсирующей боли.

Однажды, когда он на мгновение выплыл из этого ужаса, ему явилась мать, Матильда де Лаваль. Положив на лоб сына прохладную руку, она промолвила: «Что бы ни случилось, не изменяй себе, Анри, пусть все, что произошло, не ожесточит тебя, не убавит душевных сил. Только так ты сможешь спастись».

Когда Анри наконец смог подняться, на его осунувшемся лице, казалось, остались одни лишь затуманенные несчастьем, непониманием и неверием глаза. Почти тут же состоялся суд — простая формальность, без свидетелей и защиты, где ему объявили приговор: двадцать лет каторги с отбыванием наказания на галерах, лишение всех прав дворянства и нанесение клейма в виде лилии, отличительного знака убийцы и вора.

Когда к его коже прикоснулось раскаленное железо, Анри закричал — не столько от жуткой боли, сколько от сознания жестокой несправедливости судьбы. Двадцать лет каторги! Жизнь среди преступников! Лишение всех прав дворянского имени! Позорное клеймо на плече!

Молодой человек ожидал отправки в Тулон, когда ему сообщили, что его хотят видеть. За все это время к Анри приходил только один человек, мадам Рампон. Она уверяла, что не верит в его виновность; стараясь успокоить, сообщила, что его мать содержится в хороших условиях, и обещала ее навещать.

Его подвели к двойной решетке, разъединявшей камеру, в которой содержались опасные преступники, от общего коридора, и Анри увидел... Урсулу Гранден.

Она была все также красива, модно и кокетливо одета. Рукава зеленовато-синего платья были обшиты пышными кружевными манжетами, из-под пришитых к нижней юбке воланов, напоминавших морскую пену, выглядывали парчовые

туфельки. При виде девушки, осторожно ступавшей по грязному полу, Анри почувствовал не только радость, но и мучительное напряжение воли. Он понял, что не должен проявить слабость и показать, что окончательно побежден.

Молодой человек не знал, что это свидание состоялось с согласия и даже по настоянию Луизы. Леопольд Гранден возражал, но мать Урсулы сказала: «Она обязательно должна его увидеть. После этого ей не придет в голову вспоминать о нем, а главное, сожалеть о том, что они расстались».

— Урсула!

— Анри! О боже, как ужасно ты выглядишь!

Молодой человек в самом деле выглядел ужасно: бледный и худой, под глазами — темные круги; голова была обрита, и без своих прекрасных густых русых волос, в убогой тюремной одежде он казался странным и чужим. И выражение подавленности и скорби во взгляде отнюдь не прибавляло ему привлекательности.

— Что поделаешь, это тюрьма.

— С тобой плохо обращаются?

— Не хуже, чем с другими осужденными.

— Могу ли я что-то сделать для того, чтобы облегчить твою участь? — взволнованно произнесла девушка.

«Можешь. Просто скажи, что по-прежнему любишь меня, что сохранишь верность своей любви, а еще — что веришь в мою невиновность», — хотел промолвить Анри, но вместо этого он спросил:

— Где бы была в ту ночь, почему уехала? Кто такой Франсуа Друо? И почему ты сказала, что не давала мне ключа от черного хода?

Ее жестокая наивность потрясла Анри до глубины души.

— Франсуа... это просто знакомый. О, Анри, я поняла, что не готова к бегству. А про ключ... Я сильно испугалась: весь дом был в крови, к нам пришли чужие люди и спрашивали про тебя... Мама сказала, что меня могут обвинить в том, будто я тебе помогала! — Девушка опустила заблестевшие от слез глаза и упрямо трянула головой. — Ты не можешь меня осуждать!

Анри горько улыбнулся. В самом деле, что он может теперь? Только принять на себя еще одну непосильную тяжесть!

— У меня на плече клеймо каторжника. Лилия. Представляешь? Это навсегда.

Во взгляде Урсулы отразился ужас.

— О, Анри!

— А моя мать в Бисетре, лечебнице для душевнобольных. Я никогда ее не увижу. С тобой мы тоже не встретимся. Если я и вернусь через двадцать лет, это буду... уже не я.

Его глаза сверкали. То был незнакомый, жесткий, режущий блеск.

Урсула отпрянула. Она не узнавала своего Анри и сейчас не жалела о том, что их разделяет решетка. Когда пришел охранник, оба испытали невольное облегчение.

— Прощай, Анри, — сказала она, нервно теребя в руках кружевной платок.

— Прощай! — резко произнес он и отвернулся, чтобы скрыть слезы.

Глава восьмая

Калькутта

Свадьба состоялась, как и было намечено, в один из ближайших благоприятных дней. Как водится, церемонию провел брахман: зажег пламя в очаге, прочитал священные тексты, связал конец шарфа жениха с покрывалом невесты и семь раз обвел их вокруг огня.

Гостей было немного. Рамчанд не стал объяснять, откуда и почему привел в дом никому не известную девушку, кто ее родители и отчего он так спешно сочетается браком. Впрочем, никто его не осуждал; он был уважаемым человеком, все знали о его трагедии, как и о том, что он долгие годы хранил верность любви к своей первой жене.

Брачный наряд Тулси был нежно-алого цвета с вплетенными в ткань золотыми нитями, образующими изящный цветочный узор. Накануне свадьбы жених преподнес ей золотые украшения в стиле «девять сокровищ» — каждое с девятью камнями, посвященными девяти планетам, и она верила в то, что этот чудесный подарок защитит ее от любых бед.

Тулси ждала мужа в брачных покоях, сидя на постели; вся в волнах ткани, словно богиня Лакшми, плывущая на лепестках распустившегося лотоса.

Рамчанд замер. Она была прекрасна! Руки и ноги унижены

звонящими браслетами, ладони и стопы окрашены в красный цвет, золотые цепочки обвивают тонкую талию, шелковое сари плавно облегает крутые бедра, с иссиня-черных волос ниспадает прозрачное покрывало, длинные ресницы скромно опущены, а лицо горит от смущения и радости.

Рамчанд подошел и снял с ее шеи гирлянду. Девушка должна была сделать то же самое, но не осмелилась. Тогда он слегка приподнял ее голову за подбородок и заставил Тулси взглянуть ему в лицо.

— Отныне мы будем вместе и в жизни, и в смерти. Таков закон и обычай, но мне бы хотелось, чтобы это вошло в твое сердце.

Его привлекала в ней как душа, таившаяся в теле, так и тело, скрывавшее душу. Рамчанд был образованным человеком, он читал «Камасутру» и знал, что есть множество способов пробудить чувственность молодой жены. Главное, не спешить, ибо кама — любовная страсть — есть одна из важнейших целей человеческой жизни, и она же — величайшее искусство.

Он медленно разделся сам, потом снял одежду с Тулси, и девушка не смела поднять глаз.

Рамчанд взял ее груди в ладони, словно две чаши, и нежно сжал, а потом Тулси ощутила его поцелуи, ласкающие, легкие, будто прикосновения лепестков роз. Это могло бы быть очень приятным, если б ее не сковывали неловкость и стыд. Когда после долгой любовной игры муж овладел ею, Тулси

повела себя так, как советовала Кайлаш. Девушка была бесконечно рада тому, что стала женой Рамчанда.

Утром она нашла на том месте, где остался след ее невинности, прекрасное ожерелье из оправленных в золото рубинов и с гордостью надела его на шею.

Днем Тулси спросила Кайлаш, нужно ли ей что-либо делать по дому. Женщина улыбнулась. Рамчанд держал достаточно слуг; а сама Кайлаш вот уже много лет прекрасно справлялась с хозяйством. Она сказала:

— Ты подобна цветку и должна жить, как цветок. Наряжайся, ешь, отдыхай. Было бы неплохо, если б ты научилась играть на ситаре. А еще можешь начать брать уроки танцев.

В их деревне танцовщиц не уважали, это занятие считалось неблагопристойным, и Тулси поделилась своими соображениями с Кайлаш. Та со смехом ответила:

— О, нет! Настоящие танцы — это божественное вдохновение и бесценный дар. Женщина способна раскрыть в танце свою истинную прелесть и красоту!

Через неделю после свадьбы Тулси перебралась на женскую половину дома. Теперь муж уже не проводил с ней всю ночь, а приходил только для совершения интимного ритуала. Впрочем, он редко покидал ее раньше чем через два-три часа, которые были полны сладкого познания неизведанного.

Скоро Тулси с нетерпением ждала ночных посещений Рамчанда и усиленно готовилась к ним: натиралась благовониями, подводила глаза, красила губы, вплетала в волосы

пряно пахнущие цветы. Она была живой, смышленной девушкой, быстро постигла городские привычки и научилась многому, что должна знать супруга богатого человека.

Сначала ей было приятно доставлять удовольствие мужу, потом она тоже начала испытывать наслаждение и встречала Рамчанда, изнывающая от предвкушения сладострастных игр, в одних золотых украшениях, раскрываясь ему навстречу, подобно тому, как раскрываются лепестки цветка, жаждущие того, чтобы пчела испила их волшебный нектар. Супруги подолгу и с большим удовольствием предавались любовным утехам.

Если бы у молодой женщины спросили, любит ли она мужа, она бы, не задумываясь, ответила «да». Он был умен, красив и добр, дарил жене подарки и знал, как доставить ей наслаждение.

Когда по прошествии двух месяцев после первой ночи Тулси все еще не обнаружила у себя признаков беременности, Кайлаш озабоченно произнесла:

— Нужно посоветоваться с астрологом: пусть определит благоприятный час для зачатия.

Тулси опустила ресницы. Муж приходил к ней каждую ночь и совершал ритуал по два, а то и по три раза. Конечно, она с великой радостью примет его в любое время...

Днем Рамчанд почти не общался с женой — ему было некогда. Он никогда не спрашивал совета ни у Тулси, ни у Кайлаш; женщины знали только, что он занимается торгов-

лей — от ковров до золота и слоновой кости. Иногда, когда в дом приходили люди, Тулси выходила к ним и сидела вместе с гостями и мужем, но никогда не вступала в беседу.

При виде молодой супруги Рамчанда гости щелкали языками от восторга и выражали почтительное восхищение. Красота Тулси расцвела, в ней появилась ярко выраженная чувственность, что подчеркивалось и изысканными украшениями, и дорогой одеждой.

Днем молодая женщина примеряла наряды, угощалась лакомствами, купалась в бассейне, качалась в саду на качелях, любовалась цветами, училась играть на ситаре и танцевать. Когда ей хотелось поболтать, она шла к Кайлаш: несмотря на разницу в возрасте, женщины стали закадычными подругами. Они вместе ходили за покупками, советовались друг с другом о том, что приготовить на ужин, как лучше украсить комнаты. Иногда женщины посещали храм Кали, приносили богине красные цветы и возжигали свечи. С некоторых пор Тулси относилась к этой богине с особым почтением.

После того, что ей пришлось испытать в родной деревне, молодая женщина была в восторге от новой жизни. Из родных она вспоминала только дядю Чараку: он единственный искренне порадовался бы за нее.

Судя по всему, муж был доволен ею — это доказывали и его подношения, и частые ночные свидания. Тулси казалось, что впереди у нее много светлых, радостных, счастливых лет, полных веселья и солнца, молодости и любви.

Глава девятая

Тулон, Франция

Если б это случилось в иные времена! Если бы он ощутил теплое, могучее дыхание южного ветра, увидел серебящееся море, почувствовал, как душа растворяется в его звуках и запахах, он был бы счастлив.

Теперь Анри помнил лишь быстрый переход по узким извилистым коридорам улиц, полные отвращения и испуга взгляды прохожих и слышал только звон собственных цепей. Вверх вздымались тучи белой пыли, камни, по которым ступали босые ноги, были горячи, точно уголья, и раскаленный воздух дрожал, как над жаровней.

Когда перед ним открылась жемчужная рябь залива, тонкие очертания далеких гор и яркая зелень виноградников, он почувствовал только скорбь и ужас выпавшей на его долю судьбы. Если б нынешнюю позорную жизнь можно было поменять на героическую смерть, он, не задумываясь ни на секунду, выбрал бы последнюю!

Вновь прибывшую партию каторжников затолкали в тесный, мрачный и душный сарай. Условия содержания были невыносимы: заключенные спали вповалку на голом полу, пища была отвратительна и скудна, никто не заикался о бане, потому вскоре многие заболели кожными болезнями. К этому было невозможно привыкнуть, и вместе с тем иногда Ан-

ри казалось, что прежняя жизнь — это всего лишь сон, что он всегда жил среди этих ожесточенных, изнуренных людей, ноги которых стерты железом в кровь и которые не поднимали глаз от земли. А если они смотрели, то от их взгляда леденела кровь.

За это время Анри научился чувствовать в себе нестигаемый внутренний стержень, позволяющий отбрасывать за невидимую черту тех, кто видел в нем жертву. Тогда гордость дворянина превращалась в дерзость висельника, а вежливость и учтивость заменяла бесшабашная смелость.

Молодой офицер, проверяющий списки осужденных, оказался внимательным человеком, потому еще до отправки каторжников на галеры вызвал к себе Анри, предложил приесть и даже приказал подать ему чашку чая.

— Я видел ваши документы, — сказал он. — И хочу вам помочь.

— Вы верите в мою невиновность? — с надеждой произнес молодой человек. — Поверьте, я сделал признание под пытками!

— Не важно, верю ли я, — мягко ответил молодой офицер. — Вы уже осуждены, и с этим ничего не поделаешь. Но я могу попытаться облегчить вашу участь. Недавно я получил бумаги: мне предложено отобрать людей для войны в Индии. Сейчас там командуют губернатор Дюпле[1] и полковник Бюсси[2]. К сожалению, индийская кампания плохо финансируется правительством, потому они вынуждены вербо-

вать солдат среди осужденных. Конечно, туда могут отправиться далеко не все, по крайней мере, не те, кто обвинен в убийстве. Но ради вас, де Лаваль, я готов сделать исключение.

— Почему?

— Мне вас жаль. Вы благородный, образованный человек, вам будет нелегко среди галерников. К тому же даже такие, как вы, теряют себя в этом аду.

— Но я никогда не держал в руках оружие.

— Это не имеет значения. Главное, что там к вам будут относиться не как к преступнику, а как к солдату.

Во взгляде Анри была мука.

— Если я уеду в Индию, то вряд ли когда-либо попаду домой!

— Если вам придется отбывать наказание на галерах, вы тем более не вернетесь. Осуждение на каторжные работы — это почти смертный приговор. Пять лет — предел для самого выносливого человека. Я внесу ваше имя в списки. Будем надеяться, что все получится. Только смотрите, чтобы ваше клеймо не попало на глаза тем, кому не нужно его видеть.

Анри был благодарен офицеру, но не питал надежды на освобождение. Что ни говори, жизнь кончена, ему не удастся бежать от судьбы!

[1] Дюпле Жозеф-Франсуа (1697-1763) – в 1742-1754 гг. колониальный администратор и генерал-губернатор в Ин-

дии. Выдвинул идею создания французской колониальной империи, организовал регулярную армию индийских наемников — сипаев.

[2] Бюсси Шарль-Жозеф (1721-1785) – с 1751 по 1760 г. командовал французской армией в Индии. Прославился удачными военными действиями против англичан и местных правителей.

Глава десятая

Калькутта

В измученной ливнями природе наступило затишье, и теперь можно было любоваться крупными алыми цветами ашока в саду (согласно поверью, особо прекрасными, если их лелеет рука красивой женщины!), желтыми соцветиями чампака, благоухающим жасмином.

Рамчанд нашел жену на качелях и на мгновение остановился, залюбовавшись чудесным зрелищем: концы сари взлетали, распускаясь, точно хвост павлина, в волосах вспыхивали радужные огоньки камней, а прелестное лицо выражало блаженство, подобное тому, что дарит безвременье и счастливое неведение бед, какое способны постичь только боги.

— Тулси!

Она остановила качели и грациозно прыгнула на землю. Рамчанд подошел и сделал то, чего никогда не делал прежде, днем, в саду: крепко прижал жену к себе и прильнул к ее губам страстным поцелуем.

— Тулси! Ты моя — навсегда, в жизни и в смерти.

Вновь услышав слова, которые Рамчанд произнес в первую брачную ночь, молодая женщина встревожилась.

— Почему вы это говорите?

Он усмехнулся. Внезапно вспыхнувшее желание исчезло

под невидимым и непонятным грузом.

— Не знаю. Сегодня я видел во сне богиню Кали. Она звала меня к себе. Как известно, она не любит мужчин. А рядом с ней стояла моя первая жена Мадхукар с ребенком на руках; она смотрела на меня с такой любовью и лаской...

— Однажды я тоже видела Кали во сне, — быстро произнесла Тулси. — Потом пришли вы и увезли меня с собой. С тех пор я считаю эту богиню своей защитницей.

— Скажи, — вдруг спросил он, — ты не жалеешь о том, что вышла за меня замуж?

Тулси ответила с искренним волнением, радостью и страстью:

— Я не жалела об этом ни единой минуты!

Рамчанд улыбнулся.

— Что ж, будем помнить о том, что сон — просто сон. Сегодня к нам придут англичане; мне не нравится их принимать, но иногда приходится. Выйди к ним: они любят смотреть на индийских женщин. Быть может, сыграешь на ситаре?

Тулси кивнула. Внезапно ее охватила непонятная тоска, куда более пронзительная, чем явное горе, и терзающая именно своей необъяснимостью. Вместе с тем она была рада тому, что сегодня муж говорил с ней так, как никогда не разговаривал прежде.

Между тем Рамчанд предложил подняться наверх. Он не собирался заниматься делами до прихода гостей и решил по-

святить это время супруге. Тулси хотела умастить тело благовониями, но муж не желал ждать. Супруги занялись любовью, а потом Рамчанд произнес, нежно целуя живот жены:

— Подари мне сына, Тулси, больше я ни о чем не прошу! Если б сын, которого родила Мадхукар, не умер, он бы был почти юношей...

Тулси протянула руку и коснулась густых черных волос мужа. Она очень боялась остаться бесплодной. Что если это — карма, наказание за проступки родителей и ее собственное появление на свет?

Перед тем как начать одеваться к приему гостей, Тулси и Кайлаш обсудили, что подавать на стол. Решили приготовить отварной рис с соусом карри и специями — мускатным орехом, корицей и кардамоном, дичь с соусом из мякоти свежего манго с очищенным маслом, шарики из риса и пшеницы в сахарной глазури и неизменные чапати.

Тулси вышла к гостям в кремовом сари из тончайшей кисеи, окаймленном розовым и золотым, и в украшениях из аметиста. Глаза были ярко подведены, губы окрашены в рубиновый цвет. На лбу пламенела алая точка, и такая же полоса украшала пробор гладко причесанных волос.

Молодая женщина подала гостям воду для омовения и белоснежные вышитые полотенца, а после скромно присела на покрытый ковром низкий диван.

Англичан было пятеро; пока Рамчанд отдавал последние распоряжения слугам, они разглядывали и обсуждали его

жену.

— Конечно, топаски[1] красивы, но им не сравниться с чистокровными индианками: не та грация и стать!

— Интересно, она понимает, что мы говорим?

— Ни единого слова! Эти индийские жены — всего лишь красивые игрушки. Их ничему не учат, кроме как вести домашнее хозяйство, носить украшения и угождать мужу в брачных покоех.

— Зато муж для них — хозяин и господин. К тому же я слышал, они очень сладострастны. Если мужчина не посещает их две ночи подряд, они начинают чахнуть. Никакого сравнения с европейками!

— А образование, манеры?

— Зачем? Жена, которая молчит, пока ее не спросят, во всем угождает мужу, которая красива и безотказна в постели, — разве это не клад? Вы видели, что индусы изображают на фасадах своих храмов?! наших дам хватил бы удар! Если их женщины способны без скромности и стыда повторить все это...

— Вы бы хотели проверить?

— Почему нет? Конечно, не с какой-то грязной деревенской девчонкой! Вот с такой, как эта, не отказался бы. Посмотрите, какие волосы, глаза, губы! А грудь! Здесь явно чувствуется порода, древняя чистая кровь!

Один из собеседников усмехнулся.

— Почему бы вам, Дэвис, не жениться на индианке?

— Все дело в потомстве. Кому хочется иметь детей от цветной женщины? К несчастью, индианки очень плодовиты.

Вернулся Рамчанд и почтительно поклонился гостям. Дальше разговор продолжался на чудовищной смеси двух языков; впрочем, беседу значительно облегчили арак и французское вино, а после ужина — сигары, набитые ароматическими травами, смолами и кусочками индийской смоквницы.

Уильям Дэвис, молодой офицер, восхищавшийся красотой Тулси, не принимал участия в разговорах о налогах и торговле — он неотрывно смотрел на молодую жену хозяина дома.

О, эти чудесные, кроткие и в то же время манящие глаза, изящно изогнутые брови, напоминающие тяжелый шелк волосы и изысканная грация движений! Какая яркая, чувственная и вместе с тем непринужденная красота! Полупрозрачное сари позволяло видеть изгиб тонкой талии, а бедра были округлы, точно бока греческой вазы.

К концу вечера Дэвис совсем потерял голову, хотя Тулси не произнесла ни единого слова и сидела, скромно потупившись, как и полагается благопристойной и верной женщине.

Изрядно опьяневшие англичане вышли в сад. Наступал тот удивительный час, когда утрачивается ощущение времени, тонкие, чуть подкрашенные закатом облака невесомо плывут над миром, травы благоухают, а тревожные мысли

будто бы растворяются в тишине сгущающихся сумерек.

Рамчанд спокойно беседовал с одним из гостей, Тулси шла впереди, за ней следовал Дэвис. В тот миг, когда их скрыли густые деревья, молодой англичанин остановился, обнял Тулси и поцеловал. От неожиданности индианка не успела отстраниться. И тут из-за деревьев появился Рамчанд.

Возмущение и ревность пронзили его подобно молнии: эта женщина принадлежала только ему, прикосновение к ней постороннего мужчины было равносильно осквернению святыни! Рамчанд был здравомыслящим и осторожным человеком, он много лет общался с англичанами, постиг разницу двух культур, но в этот миг думал только о жесточайшем оскорблении, которое нельзя оправдать ничем.

Он бросился к Дэвису и жене, схватил офицера за шиворот и ударил кулаком. Глаза Рамчанда дико блеснули, губы гневно подергивались. Один из товарищей Дэвиса выхватил саблю и бросился наперерез, желая припугнуть индийца, а тот, внезапно развернувшись, напоролся на острие и тут же рухнул наземь.

Вмиг протрезвевшие англичане бросились к Рамчанду. Его тело было бездыханным; он умер почти мгновенно, без мучений и осознания того, что занавес его нынешней жизни опустился навсегда.

Тулси стояла белая и неподвижная, как статуя. Удар обрушился слишком внезапно, она еще не успела понять, что

произошло.

Рамчанда перенесли в дом и положили на диван. Англичане не смотрели друг другу в глаза и старательно отводили взгляд от лица Тулси. Каждый думал о том, как отвести от себя обвинения и предотвратить наказание. Погиб не простой человек, а один из видных торговых деятелей Восточной Индии. Местная знать впадет в гнев, от своего начальства тоже не стоит ждать милостей.

[1] Топасами называли потомков от браков португальцев с индийскими женщинами.

Глава одиннадцатая

Пондишери, Индия

Далекая страна встретила Анри неприветливо и сурово. Вода у побережья казалась взбесившейся, листья пальм неистово метались на ветру, вдобавок хлестал бесконечный ливень. Лагерь, куда их привезли, был фактически затоплен, размытые дороги превратились в месиво из глинистой грязи.

Сильно измученный трудностями пути, дикой качкой, плохой водой, скверной пищей, Анри просто не мог поверить, что может быть еще хуже. Палубу корабля, на котором они немислимо долго добирались в Индию, без конца заливало водой, высушить одежду было негде, кормили один раз в день солониной и сушеным горохом и беспрестанно заставляли работать.

Пондишери был основан как французская колония сравнительно недавно, во второй половине прошлого века, и делился на две части. В первой возвышались дворцы генерал-губернатора, его приближенных и местной знати, во второй теснились хижины индийской бедноты. Корабли бросали якорь в полулье от берега, ибо здесь никогда не стихал ветер, а дальше пассажиров везли на плоских индийских суденышках.

В лагере вновь прибывшим позволили вымыться, выдали чистую одежду, накормили вареным рисом и пресными ле-

пешками. За время пути Анри познакомился с товарищами по несчастью. Среди отправленных в Индию осужденных не было закоренелых преступников и отъявленных негодяев, и молодой человек надеялся, что не найдет и таких, кто выдаст его тайну.

Рано утром будущих солдат выводили на плац и целый день обучали военному искусству. Заключенных содержали отдельно от остальных, им не платили жалованья и на ночь запирали под охраной французов или индийских наемников — сипаев. С одним из них, толковым, улыбчивым индийцем по имени Чарака, Анри почти подружился.

Чарака успел выучить несколько десятков французских слов и мог с пятое на десятое понять Анри. Уму и памяти молодого человека требовались занятие и пища. У него возникла мысль изучить новый язык, и он решил почаще беседовать с индийцем — в основном по ночам, под шум бесконечного дождя, когда другие спали.

Вскоре Анри удалось постичь логику и строй хинди. У него был живой ум, великолепная память и врожденная способность к языкам. Молодой человек понимал: для того, чтобы насладиться красотой нового языка, ему понадобится мучительное трудолюбие, большое напряжение воображения и рассудка.

Чарака рассказал, что изначально его завербовали англичане, а потом он попал в плен к французам и стал служить уже им. По большому счету все белые люди были для него

одинаковыми, разве что говорили на разных языках.

Родом Чарака был из деревни под Бала, где остались его жена и две дочери. Как ни странно, больше всего он волновался не за них, а за племянницу, красивую и скромную девушку по имени Тулси, которой нелегко жилось у родных. Насколько понял Анри, дело было в каких-то религиозных предрассудках. В целом Чарака был доволен своим нынешним положением, хотя платили значительно меньше обещанного, и война оказалась вовсе не героической, а непредсказуемой и жестокой штукой.

Вскоре Анри тоже предстояло отправиться воевать, и он думал об этом с тяжелым сердцем. Он оставался преступником, отбывающим наказание, так им и говорили, а еще предупреждали, что за малейшее нарушение приказа, за трусость, попытку уклониться от сражения или бежать в стан врага им грозит смертная казнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.